

В. В. Карпова

Борисоглебск, Россия

ПЕТЕРБУРГ-«МУЗЕЙ» В РОМАНЕ

А. БИТОВА «ПУШКИНСКИЙ ДОМ»

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: постмодернизм, петербургский текст, музей, интертекстуальность.

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена одному из аспектов романа А. Битова «Пушкинский дом» – интертекстуальной реализации петербургской темы на примере концепта «музей».

V. V. Karpova

Borisoglebsk, Russia

PETERSBURG-«MUSEUM» IN THE NOVEL

A. BITOV «PUSHKIN'S HOUSE»

KEY WORDS: postmodernism, the Petersburg text, museum, intertextuality.

ABSTRACT: The article is devoted to one of the aspects of the novel A. Bitov «Pushkin's house» - intertextual implementation of the Petersburg theme on the example of the concept of the «museum».

Художник видит мир не только сквозь призму культурных кодов, но прежде всего он ощущает интертекстуальную природу реальности. Именно поэтому постмодернистский художник отказывается от оригинальности высказывания. Интертекстуальный мир насквозь пропитан культурным контекстом, соткан из цитат, поэтому художественное мировосприятие не что иное, как чтение уже сказанного, уже виденного, уже читанного. Письмо, или смыслотворчество, в связи с этим становится главным эстетическим объектом в постмодернизме.

Петербургский код в постмодернизме – интертекстуален. Он состоит из множества предшествующих художественных кодов, которые расширяют смысловой уровень произведения. Интертекстуальная природа «петербургского текста» отчетливо просматривается в романе А. Битова «Пушкинский дом». Главный герой романа, воспринимающий город сквозь призму цитат из русской классики, однажды пытается вырваться в свободный мир-хаос. Внешнее воплощение этого бунта – разгул стихии: «Погода за окном была, как грязная и мокрая вата» [3. С. 249].

Внутреннее – попытка героя вырваться из музея в реальность.

Нетрезвый Лёва покидает стены Пушкинского дома в самый разгар «народного гуляния» (демонстрация в честь очередной годовщины Октябрьской революции). «Грязная и мокрая вата» за окном приобретает характеристики культурного кода. В «Медном всаднике» А.С. Пушкина события развиваются, когда «дышал ноябрь осенним хладом» и «сердито бился дождь в окно» [7. С. 175] (напомним, что дата революционных событий 1917 года – 25 октября по старому стилю, конец октября и ноябрь – самое холодное и сырое время осени). У Ф.М. Достоевского многие мрачные события, колорит которых усиливается дождем, тоже происходят осенью. События романа А. Белого «Петербург» также начинаются осенью – «был последний день сентября» [2. С. 19].

Трезвый Лёва еще пытался сопротивляться той модели поведения, которую навязало ему восприятие мира сквозь призму литературы, то нетрезвый герой сам превращается в цитату, а точнее в музей стереотипов: «Видишь ту маску? – прыгал Лёва. – Хорошенькая... Мадам! – он галантно шаркал. – Какое прелестное

домино! Домино... <...>Домино! Ведь как все переигралось! Тогда бы не поняли, что значит это слово сейчас, а сейчас уже никогда не поймут, что оно значило раньше! Представляешь, она решила, что я предлагаю ей сыграть в домино!» [3. С. 283-284]. В осеннем Петербурге А. Белого появляется красное домино, роль которого исполняет Николай Апполонович Аблеухов.

З.Г. Минц отмечала, что «петербургская «арлекинада», тема маски, маскарада, ряженья присуща петербургским текстам [6. С. 107]. Этот код узнается Лёвой, который вписывает себя в это культурное пространство. Однако превращение пьяного героя в цитату, его бунтарская жажда быть вписанным в текст культуры простирается дальше, он претендует на художественное пространство А. С. Пушкина: «...С ловкостью необыкновенной уже сидел Лёва верхом на льве и стучал в него...» [3. С. 284]. Для Лёвы культура – это музей, и он, по мнению В. Курицына, «покидает музейную позицию исследователя-субъекта, внеположенного объекту, покидает в прямом смысле слова – садится на льва. Входит в объект. Он делает из себя цитату: из филолога, изучающего текст русской литературы, он становится частью текста – такой же, как медный всадник на медном коне, как бедный Евгений на мраморном льве» [5. С. 155]. Художественный код «Медного всадника» продолжает развиваться в сознании Лёвы: «Смотрите! Он в костюме милиционера! <...> А маска где? ну да, в фуражке можно и без маски... Да пустите же! я ведь не на том льве сижу!» [3. С. 284]. Бегство от милиционера, как бегство Евгения от Медного всадника, было продиктовано сознанием Лёвы. Он стал цитатой и не мог не продолжить текст. (Хотя сознание героя все же фиксирует комизм ситуации: олицетворение власти – милиционер видится шутком в фуражке, которая заменяет домино и маску.) У А. С. Пушкина после роковой ночи «у порога / Нашли безумца моего, / И тут же холодный труп его / Похоронили ради бога» [7. С. 184]. У А. Белого полусумасшедший ге-

рой, бегущий от Медного всадника осознает, что он «погиб без возврата» [2. С. 152]. У А. Битова, утром 8 ноября, в Пушкинском доме «безжизненно подломив под себя Лёвую руку, лежал человек. Тело» [3. С. 9]. Лёва – объект, цитата, «литературный герой» (в прямом смысле, как герой романа А. Битова) – погиб [3. С. 316], а Лёва – человек – очнулся, так как «роман окончен – жизнь продолжается» [3. С. 317]. Попытка Лёвы Одоевцева стать объектом культуры, а вернее ее творцом, заканчивается абсурдом.

Лёва тщательно удаляет следы вчерашней попытки взглянуть на культуру изнутри, а не извне, и превращается в обычного современного человека. Хаос, поглотивший Империю (у А. Белого «красное домино: красный цвет был эмблемой России губившего хаоса» [2. С. 116]), равен прогрессу у А. Битова. И если до революции 1917 года Россия была «заповедник, последний очажок, сопротивляющийся прогрессу» [3. С. 267], то после – прогресс побеждает: Модест Одоевцев говорит: «Человечество набрело на путь прогресса, меж тем как оно сбрело со своего пути» [3. С. 66]. Обычный современный человек, Лёва Одоевцев, вновь начинает смотреть на Петербург сквозь призму литературного стереотипа, так как он, по мнению деда, не обладает умом, живой мыслью. Лёва – человек эпохи симулякров, он не умеет проникать в культуру как творец, он воспринимает ее как закрытый музей (трогать нельзя!): «Они катали в просторном черном ЗИМе, откуда Лёве так хорошо, так ново и полно (из-за рядом иностранца) был виден Петербург. Господи, Господи! что за город!.. какая холодная блестящая шутка! Непереносимо! но я ему принадлежу... весь. Он никому уже не принадлежит, да и принадлежал ли?.. Сколько людей – и какие это были люди! – пытались приобщить его к себе, себя к нему – и лишь раздвигали пропасть между градом и Евгением, к нему не приближаясь, лишь от себя удаляясь, разлучаясь с самим собой... Вот этот золотистый холод побежал по спине – таков Петер-

бург! Бедное серебряное небо, осеннее золото спицей, червленая, старинная вода – тяжесть, которой придавлен за уголок. Чтобы не улетел, легкий вымпел грубого Петра. С детства... да, именно так представлял Петра! – как тяжелую темноту воды под мостом. – Золотой Петербург! именно золотой – не серый, не голубой, не черный и не серебряный – зо-ло-той!.. – шептал Лёва, разглядывая свою родину глазами, которыми зря награждал иностранца» [З. С. 334]. Город и культура окончательно стали музеем, именно поэтому, как угадал и сам герой, он не смог отыскать самое значимое для него место: «И еще выдался символ на этот день: они не могли отыскать место дуэли Пушкина (для Лёвы замкнулось кольцо – тот мороз-

ный визит к деду)... <...> Ему помстилось: это место, видимое лишь посвященному, лишь достойному, а для остальных – нет его...» [З. С. 335].

Петербургский «текст-музей» опирается в основном на тексты А. С. Пушкина (изучаемый Лёвой автор), Ф.М. Достоевского, А. Блока, А. Белого. Творимый культурой Петербург для Лёвы означает «уже сотворенный». Безусловно, «Пушкинский дом» А. Битова становится в один ряд с произведениями, образующими «Петербургский текст», и если для символов это «текст о тексте», то в постмодернистском варианте – метатекст, возведенный в бесконечную, интертекстуальную степень.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 413 – 423.
2. Белый А. Петербург // Белый А. Сочинения: В 2-х т. – Т. 2. Проза. – М.: Худож. лит., 1990. – 671 с.
3. Битов А.Г. Пушкинский дом // Битов А.Г. Империя в четырех измерениях. – Измерение II. – Харьков: Фолио; М.: ТКО АСТ, 1996. – 509 с.
4. Блок А. Двенадцать // Блок А. Стихотворения и поэмы: Стихи, дневники, письма, проза. – М.: Изд-во Эксмо, 2007. – 576 с.
5. Курицын В. Русский литературный постмодернизм. – М.: ОГИ, 2001. – 288 С.
6. Минц З.Г. Поэтика русского символизма. – С.-Петербург: "Искусство – СПб", 2004. – 480 С.
7. Пушкин А. С. Медный всадник // Пушкин А. С. Сочинения: В 3-х т. – Т. 2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. – М.: Худож. лит., 1986. – 527 с.
8. Современное зарубежное литературоведение: Страны Западной Европы и США: Концепции: Школы: Термины: Энциклопедический справочник / Сост. И.П. Ильин и др. – М.: INTRADA, 1999. – 320 с.